

Василий Брусянин

Тайна бессмысленного

Дом на костях

Василий Брусянин
Тайна бессмысленного

«Public Domain»

1916

Брусянин В. В.

Тайна бессмысленного / В. В. Брусянин — «Public Domain»,
1916 — (Дом на костях)

«...Не так давно, в сумрачный осенний день, вышел я из вестибюля Академии художеств с одним моим приятелем, художником Вансоном. Перешли мы мостовую к Неве, почему-то остановились около парапета. Стояли молча и смотрели на тёмные волны реки. Волновалась река после ночного наводнения, – волновалась и не обещала душе покоя и радости. Шли мы вдоль парапета молчаливые, грустные, подавленные, как будто нас обоих поджидало что-то таинственное. С выставки ушли мы такими безрадостными. Одна картина подавила наши души. Один известный художник пятнами краски, мазками и линиями напомнил нам обоим о тайне Смерти, и все краски жизни слились в одно бесформенное тёмное пятно...»

© Брусянин В. В., 1916

© Public Domain, 1916

Василий Брусянин

Тайна бессмысленного

...Не так давно, в сумрачный осенний день, вышел я из вестибюля Академии художеств с одним моим приятелем, художником Вансоном. Перешли мы мостовую к Неве, почему-то остановились около парапета. Стояли молча и смотрели на тёмные волны реки. Волновалась река после ночного наводнения, – волновалась и не обещала душе покоя и радости.

Шли мы вдоль парапета молчаливые, грустные, подавленные, как будто нас обоих поджидало что-то таинственное. С выставки ушли мы такими безрадостными. Одна картина подавила наши души. Один известный художник пятнами краски, мазками и линиями напомнил нам обоим о тайне Смерти, и все краски жизни слились в одно бесформенное тёмное пятно.

Дошли до Сфинксов. Остановился Вансон у громадных изваяний и спросил:

– Всё я хочу кого-нибудь спросить: ну, для чего вывезены эти глыбы из древних Фив? Для нас, людей XX века, эти глыбы – бессмыслица!

Он придержал меня рукою у одного из изваяний и переспросил:

– Ну, ответь мне ты: для чего?

– Бог мой! Ну... для чего... Я не знаю, для чего, легче ответить – почему?

– Ну, а почему?

– Потому, что это красиво. Потому, что это – тайна!

– А-а! Вот это меня удовлетворяет: это – тайна! Сфинксы – тайна! Твоё определение напомнило мне один разговор со знакомым генералом.

Мы миновали Сфинксов и вышли на Николаевский мост. Вансон продолжал:

– Сидим мы с ним в его кабинете, курим сигары. Говорили об опере, о красивых головах и о милых женщинах, а я думал о войне. Смотрел на бюст Наполеона, который стоял на письменном столе генерала, и думал о войне. Вот и здесь на этой набережной, когда бы я ни проходил, – днём или ночью, зимой или летом, – я всегда вспоминаю... вернее, как будто вспоминаю те самые Фивы, откуда вывезены эти Сфинксы. Никогда я не был на развалинах этого древнего города, а мне представляются песчаная пустыня и южное небо и море песков с раскалённым воздухом. В чертах этих, в сущности, уродов с нашей точки зрения, тайна представлений о том, чего я не видел... Ведь, и на картине этой, которая смутила нас, только представление о Смерти... Не знаем мы, что такое Смерть, а представляем себе её. Не был я на войне, а, глядя на бюст Наполеона, думаю о войне, постигаю её ужасы... Ещё скажу тебе... В провинции у одной богомольной помещицы я видел «чётки». Получила эта помещица чётки от какого-то схимника Печерской лавры. На толстый шёлковый шнур были нанизаны финиковые косточки, – вот это и были «чётки». Помещица рассказала мне, как тот схимник жил в посте, молитве и уединении. Описала его келью, обстановку, рассказала об образе его жизни, описала наружность. И, когда я взял чётки в руки, мне ясно представились все подробности жизни схимника. От чёток пахло чем-то мистическим, и мне казалось, что вместе с этим запахом я слышу запах монастырского тления... И мне показалось на мгновение, что я сижу в келье схимника и беседую с ним, – сижу, проникнутый его мирозерцанием, верую его верой, люблю его любовью...

– И ещё расскажу тебе об интересном случае... Зазвал меня как-то к себе известный адвокат Дрягин. Ты слышал, конечно, он такой балетоман... У него целый музей вееров, цветов, туфелек и разных безделушек, доставшихся ему от балетных знаменитостей. В большом шкафу со стёклами висят даже два костюма каких-то балерин... И, вот, показывая мне свой музей, Дрягин говорит: «А вот эта туфелька, которую я покажу вам, – большая редкость. Х. Х. – он назвал фамилию известной, уже давно покойной балерины, – танцевала в ней последний раз... На другой день она заболела, а через два дня её задушила грудная жаба, – голос Дря-

гина дрогнул, но он нашёл в себе силы и добавил. – А вот это – портрет её», – указал он на большой портрет на стене, над турецким диваном. Портрет хранился в роскошной раме и, видимо, был самой любимой вещью в кабинете хозяина. Я смотрел на редкостную туфельку и бережно держал её в руках. Смотрел я и на портрет и ясно представлял себе Х. Х. танцующей... Вот я представляю себе, как после спектакля она приехала домой, жаловалась на слабость, легла в постель с головной болью и повышенной температурой, а утром близкие её узнали, что она больна... Доктора, может быть, консилиум, лечение, страдание и смерть... Я взглянул на Дрягина. Он стоял с руками, сложенными на груди, и пристально всматривался в портрет, а глаза его были полны слёз. И понял я в эту секунду, что близким к Х. Х. в дни её страдания был именно Дрягин. Когда мы потом уселись на диване под портретом, он рассказал мне, как любил Х. Х., как страдал вместе с нею, когда она была больна... Рассказал, как её хоронили... Ты понимаешь теперь, какова тайная сила вещей, если они близки человеку, которого нет... Вот и эти Сфинксы. Нет того города, где они были, а я ясно представляю себе этот древний город...

– Я отвлёкся, – начал, помолчав, Вансон. – Тот генерал, у которого я видел бюст Наполеона, много интересного рассказал мне о своих, так сказать, военных переживаниях. «Аркадий Петрович, – спросил я его, – почему этот бюст у вас в таком почёте? Ведь, Наполеон, можно сказать, – враг России. Почему у вас нет бюстов Кутузова, Суворова или ещё кого из национальных героев?» – «Видите ли, в чём дело, – отвечал генерал, – Наполеон для меня – абстракция, идея, что ли... ну, фетиш! В нём и прошлое, и будущее, пока возможна война, а Суворов, Кутузов и другие – только образы минувшего... Гляжу я на бюст Наполеона и ясно представляю себе всю бессмыслицу войны. Он был символ бессмыслицы войны. Наши генералы, о которых вы упомянули, не могли выразить бы этой идеи, потому что в войне для них был весь смысл их существования. Они умерли, и никакое воображение не воскресит их, сколько бы мавзолеев им не создавали, а Наполеон представляется мне таким, какого ещё не было и не будет... Понимаете, я представляю себе, что его ещё не было, он ещё придёт и олицетворит собою нечто большее, чем 12 год, он, так сказать, оконкретизирует моё представление о бессмыслице войны... Если бы я не имел пред собою бюста Наполеона и не понимал бы этого мрачного героя крови так, как понимаю, я не знал бы, для чего я служу генералом. Служить для войны и считать её осмысленной – это – бессмыслица! Понимаете? А служить войне как бессмыслице, это я понимаю... представляю себе... на это я способен... И я служу этой бессмыслице, а, если бы хоть на секунду согласился, что война имеет смысл, я пустил бы себе пулю в лоб. На моей душе много человеческой крови жертв войны: я участвовал в Русско-турецкой войне молодым офицером, я воевал в Маньчжурии, а теперь, в отечестве, обдумал своё прошлое и понял бессмыслицу войны»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.